

3 ТРЕТЬИ

Шамаш
Брамин

333

12+

ШаМаШ БраМиН

Третьи

«ЛитРес: Самиздат»

2020

БраМиН Ш.

Третьи / Ш. БраМиН — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Еще недавно, Андрей Павлович жил обычной стариковской жизнью. Делал зарядку, гулял. Ходил в магазин, на почту. Но жестокая пандемия внесла свои бескомпромиссные коррективы. Мир изменился. В одночасье, новые, внешне благопристойные, правила превратили стариков в опасных изгоев. Брошенные на произвол судьбы пожилые люди пытаются выжить. Но это непросто. Враждебное общество молодых с каждым днем ужесточает свой «гуманный» геноцид. Пенсионер, решившись на отчаянный шаг, продолжает искать выход.

ШаМаШ БраМиН Третьи

Сам не знаю, зачем я затеял этот дневник. Всегда считал писанину бесполезным делом. Да и слово «дневник» со школьных времен вызывает нервный тик. Но сегодня, проснувшись, как никогда, почувствовал, то одиночество, которое, вот уже месяц, сводит меня с ума. Нет, нет, я не в том возрасте, чтобы желать шумные компании, горячие споры и задушевные разговоры. Всего этого мне давно не надо. Я прекрасно справлялся в собственном обществе всю жизнь. Всю жизнь. Хм!

Все-таки мерзкое дело – дневник. Накалякав эти строки, вдруг понял, последние пять лет, после смерти супруги, то, что я считаю жизнью, на самом деле безучастное созерцательное присутствие. Настоящая жизнь была до этого, в другой действительности. А я и не замечал.

Да, иногда по утрам, я все еще варю кофе на двоих. Достаяю турку, которую мы со Светой купили в Стамбуле, и засыпаю три чайные ложки ароматного порошка. Света обычно ругалась, мол, в нашем возрасте три ложки на двоих «из ту матч!» Ох уж этот английский! В шестьдесят она села за языки. «Альцгеймер, Андрюша, – говорила она, – это болезнь атрофированного мозга. Мозг, как и любую часть тела, необходимо тренировать!» Я смеялся. А наша дочь, Машуля, понакупала ей всяких самоучителей, словарей и прочей ерунды. Супруга же взяла привычку говорить со мной на английском. Забавно. Мне нравилось.

Вот и сегодня, до того как достать тетрадку и ручку, я по привычке насыпал в турку три ложки кофе. Вскипятил и разлил в две чашки. В одну добавил ложку сахара. Света любила сладкий кофе.

38-мой день пандемии. 7-ой после брифинга.

Вчера меня ограбили. Нервный молодой человек в медицинской маске, с черными кругами под глазами, должно быть наркоман, следил за мной с самого магазина. Когда я вошел в подъезд, он достал канцелярский нож и прижал меня к стене:

– Отдай, дед! – прошипел он. – Тебе не надо, все равно сдохнешь.

Поддонок выхватил пакет с продуктами. Как и положено, обратился в полицию. Полицейский, натянув повыше маску, вдумчиво смочил ладони дезинфектантом:

– Дедуля, иди домой. Скажи спасибо, что живой.

– А как же грабитель? Вы должны поймать его! Он таких бед может натворить!

– А тебе какое дело? – ответил блюститель порядка. – У тебя одна забота, поскорее попытаться. Как те, на брифинге!

Ох уж этот брифинг.

– Да и вообще, – продолжил он из-за стекла, – вам «третьим» дорога в учреждения заказана. Магазин – квартира, вот ваша, хм, дорога жизни. Была б моя воля, загнал бы всех вас в лагерь. Заразу разносите!

Я не выдержал:

– Послушай, сынок! У тебя же есть родители?

– Ну, – ухмыльнулся полицейский, – им еще нет шестидесяти. А вот бабка, карга старая, всю семью «Девятнадцатым» заразила. И место в больничке занимала. Может из-за нее, жена моя, можно сказать, без легкого осталась. Все. Давай дед, топай домой! Продукты вам бесплатно выдают. Нефиг плакаться.

Да, действительно, пенсионерам продукты выдают бесплатно. По карточке «третьих». Но все равно, обидно.

40-вой день пандемии. 9-ый после брифинга.

Ночью мне снова снилась Света. Она была в том самом бежевом плаще.

Мы познакомились на первомайском параде. Весна. Ясное небо и подобревшее солнце. Всё кругом нарядное, праздничное. Немного суетливо, но так бывает всегда, когда на улицу выходят толпы людей.

Колона их НИИ шла перед нашей. Я видел, как из толпы выскользнули несколько молодых людей. Перед тем как спрятаться в подворотне, девушка в бежевом плаще обернулась. На долю секунды ее огромные карие глаза, задержавшись на мне. Обдали сердце кипятком. Я понял, вот мое счастье. Забыв про транспарант, я метнулся за ними.

– Эй, Андрон! Куда пошел?

– На, держи, – впихнул я кому-то из коллег глупую деревяшку с вдохновляющей надписью, – я сейчас.

Пришелся кстати. В подворотне, молодые сотрудницы НИИ собирались распить бутылку белого вина. «Днестровское», если мне не изменяет память. Но единственный кавалер, сутулый очкарик в нелепом коротком пальто, никак не мог справиться с пластмассовой пробкой.

– Позвольте, – предложил я свои услуги.

Отточенными до элегантности движениями, я расплавил зажигалкой основания пробки и в два счета извлек ее.

– На долю не претендую, – заговорил я, покосившись на кареглазую девушку, – но могу предложить стаканчик. Если не брезгуйте.

У меня с собой всегда был раздвижной стаканчик.

– А вы, должно быть, профессионал? – подразнила меня кареглазка.

Я растерялся, но взяв себя в руки, честно ответил.

– Что вы, я зубной техник и поверьте о гигиене знаю такое ... о чем лучше и не рассказывать.

Так мы и познакомились. Не знаю есть ли судьба, есть ли бог, если ли хотя бы что-то кроме череды случайностей, но осенью того же года мы сыграли свадьбу.

Это было в прошлой жизни. Черт! Если бы в пенсионерский продуктовый пакет входил коньяк, я бы выпил прямо с утра. Но в пакете, из алкоголя, присутствует только дешевая водка. И дешевые сигареты, от которых постоянно першит в горле.

В моем сне, Света сидела за столиком на летней террасе кафе «Примавара», там, где сейчас Макдональдс. Она ела мороженное. Увидев меня, приветливо улыбнулась. Я заметался из стороны в сторону, но никак не мог обойти невысокую железную оградку. Как это часто случается во сне, перепрыгнуть мне почему-то в голову не приходило. Я побежал внутрь кафе, ища путь на террасу. Когда нашел, Светы там не было. На столе одиноко стояла общепитовская креманка с недоеденным мороженым. И еще. Я на секунду, почувствовал ее запах. Запах. Как я мог забыть ее запах? Черт!

Все-таки пойду выпью этой дерьмовой водки.

41-ый день пандемии. 10-ый после брифинга.

Решил съездить на кладбище, на могилку моей Светы. Не был у нее с начала пандемии. Передвижение «третьих» ограничили. После брифинга комиссия четко обозначила кому, когда и куда можно. Натянув потуже на нижнюю часть лица тканевую накладку и, надев полиэтиленовые перчатки, я решил рискнуть. Еще на остановке ловил из-под масок неприятные, даже враждебные взгляды. Что с них взять? Люди напуганы, и их можно понять. Может действительно в распространении «Девятнадцатого» виноваты мы, старики?

– Куда прешь, старый хрыч! – осадил меня кондуктор троллейбуса.

– Мне до конечной, – не сдавался я. – Троллейбус-то пустой ...

– Быстро вышел! – рявкнул мужчина. – Заразишь еще кого-то.

Я пошел пешком. Бог даст, хватит пороха. До кладбища идти через весь город, но я должен. Она меня ждет.

Через остановку силы иссякли. Проклятые колени превратились в тысячу игл и скребли изношенные суставы. Я присел на парапет. Годы уже не те. Преодолевать такие расстояния пешком дело молодых. Хотел закурить, но от утренней сигареты першило до изжоги. Надо бросать, наверно. Хотя зачем. «Старики обществу не только обременительны, но и опасны!» – так сформулировал положение вещей «молодой» председатель чрезвычайной комиссии. Он сейчас как президент. Может они в продуктовые корзины для «третьих», в водку и сигареты подмешивают яд?

«Третьи» – вот вам и заслуженное определение стариков. Как сформулировал кто-то из правительства? «Суровые времена требуют суровых определений». Да, теперь я один из «третьих». Бог знает, о чем они еще говорят. Одно из первых решений комиссии – ограничить пенсионеров от недостоверных новостей. Мол, и так психика стариков не приспособлена к современному информационному полю. А дополнительная нагрузка негативно повлияет на наше состояние здоровья. Как-то так они сформулировали, но, по сути, это отключение старшего поколения от телевидения, интернета, стационарной и мобильной связи. Вот уже десятый день я узнаю новости от случайных людей. От таких же «третьих» как я сам.

Меня озарила блестящая, как мне показалась, идея. Машуля. Еще три остановки пешком и я доберусь до ее дома. Уж кто-кто, а родная дочь объяснит мне, что на самом деле происходит. И главное, она не откажет отвести меня на кладбище. К моей супруге. Ее матери. Собравшись духом, я потопал.

Пока добирался, пришлось сделать два привала. Сердце выскакивало из груди, колени судорожно ломило, а голова кружилась так, словно я на аттракционе.

– Кто там? – услышал я из-за закрытой двери голос внучки.

– Ксюша, привет! – звонкий голосок безумно меня обрадовал. – Радость дедушкина!

– Мама, мама, – голос удалялся, – дедушка пришел!

Через пару секунд из-за двери заговорила Машуля:

– Чего пришел? Вам же запрещено шляться по городу!?

– Доця здравствуй! Двери-то хоть откройшь?

– Нельзя! Ты понимаешь, что можешь всех нас заразить? Егор только оправился от «Девятнадцатого»

Я понимал, но ничего не мог с собой поделать.

– Машуль, открой! Я на секунду, посмотрю на вас и ... мне больше ничего не надо.

Повисла тяжелая пауза. Дочь сомневалась. В ней боролся, с одной стороны, страх, а с другой ... что-то, что до пандемии называлось ... Не важно.

– Папа, уходи! – наконец сказала она. Голос ее дрожал, и я чувствовал, как ей больно это говорить. – Ты можешь нас убить!

– Доця, любимая, я не болен! Я ... – как много надо им сказать, но голос утонул в обиде.

Я стоял на лестничной площадке и глотал слезы. Кто знает, сколько бы еще там простоял.

За дверьми послышался голос зятя:

– Кто там? Папа? Чего ему здесь надо?

– Здравствуй, Егор! – сказал я, пытаюсь унять слезы.

– Что вам надо, Андрей Павлович!? Идите отсюда. И не приходите больше.

– Но, я всего лишь ...

– Уходите. Иначе звоню полицию! Маша, где дезинфектант? После него надо все там продезинфицировать.

Я положил ладонь на дверь, пытаюсь хотя бы их почувствовать. Единственные оставшиеся любимые люди. Может, в комиссии правы? Я действительно опасен для них? И не только для

них, для всех тех, кто младше шестидесяти. Меньше всего на свете я хочу причинить кому-нибудь вред. Особенно им.

– Прощайте! – прошептал я, заковыляв по лестнице вниз.

42-ой день пандемии. 11-ый после брифинга. (первая запись)

Ночью я не спал. Визит к дочке вымотал меня окончательно. Колени ломит безостановочно, голова просто раскалывается. Наверняка, давление зашкаливает. Надо бы позвонить в «скорую», но стационарный телефон отключен. А мобильник, за продукты, отобрали еще в первый день. Да врачи бы и не приехали. В день брифинга комиссия вынесла решение, в больницы «третьих» не принимать. Ни в больницы, ни в поликлиники, ни тем более «скорая». Максимум куда пускают, в аптеки. Да и то, не всегда. По настроению фармацевта.

Под утро, я решился написать дочке письмо. Это единственный способ связи, который нам еще не запретили. Наверно не запретили. К восьми утра я написал пять тетрадных листов. Прочитал и выбросил в урну. Все не то. Не умею я писать, и никогда не умел.

Днем прогулялся до почты. Хотел разузнать смогу ли я отправить письмо, конечно если все-таки удастся его написать. Да и последние новости не мешало узнать. В скверике у здания почты стояло человек двадцать. В основном молодежь. Наверняка приперлись за посылками из Китая. Вот уж кто действительно заразу разносит. Были и «наши». Виноградов, Анна Ивановна и Джульетта Васильевна.

– Знайте, последние новости? – взволнованно заговорила Анна Ивановна, только завидев меня у обклеенной лентой лавочке.

– погоди, Ивановна, – перебил ее Виноградов. – Ты начни как анекдоте. Есть хорошая новость, и есть плохая. С какой начать?

Старик засмеялся. Даже под маской мне казалось, что я вижу его беззубый рот. Наверняка, дедок уже с утра остограммился. В хорошие времена у некоторых из местных пенсионеров была своя «тусовка». В десять у магазина, затем обеденный сон. А в пять снова в бой. По ним можно было часы сверять. Но за последний год инсульт и цирроз скопил большинство «тусовки». «Девятнадцатый» доделывал начатое. Виноградов единственный из «группы риска» кто каким-то чудом уцелел.

– Без разницы, – ответил я. – В нашем возрасте хороших новостей не бывает.

– Ну, тогда с хорошей, – не сдавался Виноградов. – Для нас выпускают специальную газету.

– Наконец-то, – фыркнула вечно недовольная Джульетта Васильевна. Ее нарисованные брови вспорхнули вверх. – А то на каждом углу сочиняют правила. Честное слово! Каждый суслик агроном. А мы, как дурачки, ходим, слушаем. Ей богу!

– Да, – голос Виноградова звучал радостно. – Теперь все будем узнавать официально, а не у продавщицы в гастрономе.

– И как газета называется? «Новости Армагеддона»? Или «Кому не умирается»? – мрачно пошутил я.

– Что вы, что вы! – заволновалась Анна Ивановна. – Все это временные меры. Закончится пандемия и все вернется на круги своя.

– Нет ничего более постоянного, чем временное, – засмеялся Виноградов.

– Скажите лучше, – перешел я к интересующему меня вопросу, – может, знаете. На почте письма принимают?

– Не знаю, – почти одновременно ответили женщины.

– Пойду, спрошу, – собрался я уже уходить, но Виноградов остановил.

– погоди, Палыч. Ты про вторую новость не спросил? Не интересно?

Мне действительно было не интересно. Если хорошая новость то, что для «третьих» выпускают газету, то страшно подумать, о чем плохая новость.

– Короче, – не дождался ответа дедок, – теперь места, куда нам можно заходить, отмечены черными крестами. Ха-ха-ха! Есть черный крест, просим, нет – идите мимо. Ха-ха-ха!

– Что в этом смешного? – его смех был поразительно нелепым.

– Я, Палыч, в армии во внутренних войсках служил. Типа, вертухаем. Так мы теперь точно зеки. Ха-ха-ха! Следующий пункт внутреннего распорядка, поверьте мне, ограничение по времени. Точно говорю.

Я махнул рукой и зашагал к почте. Внутри меня не пустили. Охранник, немолодой мужчина в плотной маске, полиэтиленовом чепчике и клеенчатом халате, повторил мне, то же самое, что минутой раньше говорил Виноградов.

– Нет отметки «черный крест» на входе, нет прохода. Давай, дед, топай до дому.

– Одну секундочку, – не сдавался я, – Может, другие почтовые отделения?

– Вряд ли, – мрачно ответил охранник. – И не подходи так близко, дед. Или ты из тех, кто спецом заражают?

– Нет. Что вы? – успокоил я его и отступил на два шага от дверей.

– Все, – закончил диалог мужчина, – теперь все новости из газеты. Нам вообще запрещено разговаривать с «третьими».

– Извините, – поинтересовался я, – а где брать газету? Нам домой будут доставлять?

– Ага, сейчас! Размечтался, – хмыкнул охранник. – Газета в тех местах, где нарисована отметка.

– Черный крест?

– Точно! – мужчина закрыл дверь.

42-ой день пандемии. 11-ый после брифинга. (вторая запись)

Уже поздняя ночь, а мне снова не спится. Решил вот, своими каракулями еще немного бумаги испачкать. Интересно, кто-нибудь будет это читать? Наверно нет. Но я все равно пишу. Для себя.

Сегодня, случайно, услышал кусочек радиопередачи. Таксист ждал пассажира у подъезда, а я сидел на лавке. Через открытое окно слышал, как какое-то деятели рассуждали о положительных сторонах пандемии.

«Рано или поздно, необходимо было провести черту и прервать эту устойчивую и губительную связь поколений. Мнение о том, что молодые должны жить своей головой, а не так называемой мудростью стариков, существовало всегда. Но гуманизм и сердобольность глушило голос разума. Очень жаль, что именно пандемия стало толчком к окончательному решению вопроса преемственности. За право свежо мыслить мы заплатили миллионами жизней. На самом деле старики всегда убивали молодых. Опыт долгой жизни своеобразный сосуд негатива и злобы. Мудрые старые правители всю историю человечества развязывала войны, отправляя нас, молодых, на смерть. Мудрость стариков, и их сомнительный опыт, закрывали предприятия, играли на биржах, торговали здоровьем и благополучием молодых. Надо признаться, старики бремя прогресса. Что касается меня лично, я и лишнего дня не хочу прожить после шестидесяти. Да, поверьте, то, что сегодня является добровольной эвтаназией стариков, очень скоро станет обязательной. И это правильно»

Женский голос, нетерпеливо перебил говорящего:

«Но главное вот что. Нельзя оставаться за бортом прогресса. Решительность властей в борьбе с пандемией непосредственно связана с «третьими». Кроме того, необходимо понизить, та экономика, которая быстрее других избавится от балласта пенсионных и социальных выплат, будет иметь неоспоримое преимущество. Нельзя чтобы наша страна снова оказалась в категории «развивающихся экономик»

Первый голос подхватил эстафету:

«Совершенно с вами согласен. Нам представился уникальный шанс соскочить с «нефтяной иглы» и выбиться в высшую лигу»

Из подъезда вышел пассажир. Недобро зыркнул на меня, поправил маску и сел в такси. Машина уехала. Передачу я не дослушал. Конечно, хочется побольше узнать, о том, куда же идет современное общество «молодых» и каким оно выйдет из пандемии. Но внутренний голос мне настоятельно шепчет: «Лучше об этом не знать!»

44-тый день пандемии. 13-ый после брифинга.

Вчера утром перечитал записи. Кошмар. Зачем я вообще затеял этот дневник? Бред. Твердо решил бросить и больше никогда не браться за ручку и бумагу. Бесплезное занятие. Да и попусту душу лишний раз теревить нет резона. Но то, что случилось днем, не дает мне уснуть. Надеюсь, запись, как исповедь, успокоит меня и сон вернется.

В десятом часу вышел прогуляться. Обычный моцион. Через двор к стадиону. Оттуда мимо школы на проспект. Потом обратно к почте, магазину и, с обратной стороны, в родной двор. Так вот, шагая вдоль проволочного забора стадиона, я услышал какой-то шум. Затем крики. Вроде как детские. Оглядевшись, понял, за гаражами, напротив стадиона, происходит что-то нехорошее. Я заглянул за гаражи. В конце узкого прохода, между задними стенами металлических коробок и кирпичной оградой тепло пункта, человек пять подростков что-то пинали ногами. Присмотрелся. Сначала подумал бестолковые пинают тряпку. А потом дошло. Это человек. Он сжался в кокон, закрыв руками голову и, судя по всему, смирился со своей участью.

– А ну-ка, разбежались! – крикнул я, забыв о возрасте, пандемии, брифинге. – Хулиганье!
– Смотрите, пацаны, еще один! – сказал один из них.

Шантрапа, оставили жертву, устремили свои взгляды на меня. К гадалке не ходи, я следующий. Всю жизнь ненавидел драки, ссоры, вообще конфликты. Уж не знаю, что на меня нашло в тот момент, но я схватил валяющуюся под ногами палку и, замахиваясь, шагнул на них. Страх, обида и злость стукнули мне в голову. Я потерял над собой контроль. Думаю, вряд ли смог бы ударить ребенка, да еще палкой. Из-за масок лиц не разглядел. Но в глазах я заметил ... Нет, не заметил, а как зверь, почуял испуг. Не знаю, чем бы все закончилось, но отступить я не собирался. Кто-то из пацанов крикнул:

– Ну его, контуженный! Не будем связываться!
– Я тебя запомнил, старый, – прошипел другой. – Еще встретимся!
– Ходи и оглядывайся! – твякнул третий.

Хулиганы юркнули в узкий проход между гаражами и исчезли из вида. Я подошел к лежащему в прошлогодней листве человеку. Это оказался мужчина в летах. На нем была форменная куртка электросетей. Он привстал. Уперся спиной об стену гаража. Руками стер кровь из под разбитого носа. Подойдя ближе, я расслышал его тихий шепот:

– Мне еще нет шестидесяти. Нет же. Мне только пятьдесят восемь, – повторял он гнусавым, обиженным голосом.

– Как вы? – спросил я, протянув носовой платок.
– Не подходите ко мне! – закричал он, вытягивая руки вперед. – Не подходи!

Мужчина в панике принялся искать что-то, оглядывая землю вокруг себя. Я подумал, очки ищет. Оказалось, искал маску. Увидев тряпочку в зеленой траве, на карачках кинулся за ней.

– За что они вас так? – спросил я, наблюдая, как он панически натягивает маску на разбитое лицо.

– За что? – прогнусавил он. – За то, что старый. Говорю же мне нет шестидесяти. Пятьдесят восемь, вот, еще работаю. Электриком. Удостоверение есть.

Кровь пропитала ткань маски и та, из бледно синего, изменила цвет на красный.

– Гады, – не обращал внимания мужик. – К директору школы пойду.

– Может «скорую»? – задал я глупый вопрос. Во-первых, потому что, мне не откуда было ее вызывать. Во-вторых, к «третьему» они бы все равно не приехали.

– Нет, нет! – замотал головой мужчина и попятился к стене гаража. – Уйдите! Пожалуйста, я вас прошу! Уходите! Если меня с вами увидят, отправят на тест. А мне еще целых два года до шестидесяти.

– Я не болен! И вы не больны, – попытался я его успокоить, – наверно.

– Вы не знаете, больны вы и или нет. Четырнадцать дней «третьи» бессимптомные переносчики. «Девятнадцатый» проявляется через триста тридцать – триста сорок часов. Уйдите! Я вас прошу!

«Третьи», «Девятнадцатый», «четырнадцать». До этого я не обращал внимания, как много цифр стало в наших обыденных разговорах. Как будто все мы превратились бухгалтеров, или банкиров. Цифры, цифры. Везде цифры. Человечество само себя оцифровало. Безусловно, с обезличенной цифрой проще иметь дело, чем с живым человеком. Что нам принесла пандемия? Смерть? Нет, смерти больше не стало. Обезличенность. Она пришла вместе с изоляцией. Началось все намного раньше, когда цифры заменили имена. Теперь маски вместо лиц. Человечество утратило разность. Она стерлась. Размылась личность, затем мозги, теперь лица. Остался цвет маски и иной порядок цифр идентичности. Да, ребята, так проще. Всем так проще. Но, черт возьми, люди без лиц и имен дуреют от безнаказанности.

Я выкинул палку и потопал к стадиону. Дома, достал из коморки ортопедическую трость. Как-то, несколько лет назад, меня прихватил радикулит, и Машуля купила трость. Кто знал, что трость пригодится как оружие самозащиты. Теперь без трости никуда.

Выдержки из брифинга генерального секретаря ООН, Энтони Гурретиша. Нью-Йорк, 23 мая 2020 года, 8 часов 02 минут:

«Следует признать, коронавирусная инфекция нового типа застало человечество врасплох. Наша наука, медицина, и в целом общество оказались не готовы к этому вызову. Цивилизация на грани вымирания. Всё, что смогли сделать наши ученые, это просчитать, сколько мы еще протянем. Прогноз не утешительный – три месяца. Дамы и господа – нам осталось девяносто дней! Да. Это так. Скорость, с которой распространяется новый вирус, прозванный журналистами «Девятнадцатый», поражает воображение – десятки тысяч в день! Прогрессия геометрическая, и уже через тридцать дней не кому будет ухаживать за больными. Коллапс системы здравоохранения, к великому сожалению, неизбежен.

Необходимы меры. Неотложные, решительные и эффективные. Мы понимаем, общество может оказаться к ним не готово. Многие из вас сочтут их нечеловечными, жестокими и негуманными. Но это наш единственный шанс. Уверю вас!

Прошу отнестись с пониманием.

Всемирная организация здравоохранения, изучив статистические данные по распространению «Девятнадцатого» предлагает повсеместно прекратить оказание помощи лицам старше шестидесяти лет...

Одну секунду, дамы и господа, прошу тишины!

Итак, оставшийся потенциал и ресурсы побежденной, но не сломленной системы здравоохранения необходимо бросить на спасения молодых. Это даст человечеству шанс.

Люди третьего возраста первые должны осознать и принять чрезвычайность меры. Мужайтесь! И молитесь Богу, чтобы смерть забрала вас, прежде чем умрут ваши дети и внуки. Отдайте им свое будущее!

Да, я оглашаю это ужасное решения, осознавая последствия. Но у нас нет другого выхода. Одну секунду господа! Тишина! Я сейчас закончу!

Мне семьдесят один год. Я прожил сложную но, тем не менее, прекрасную жизнь. И умереть я должен достойно. Надеюсь, моя смерть спасет, несколько молодых жизней и станет примером для других стариков»

Под прицелами телекамер пожилой чиновник достает из-под стола легкий пятизарядный Ругер. Мрачно улыбнувшись, он прикладывает вороненый ствол к виску и спускает курок. Раздается оглушительный хлопок. Миллионы людей становятся свидетелями того, как мозги мужчины разлетаются в разные стороны, обдав кроваво серой массой журналистов сидящих в первых рядах.

45-тый день пандемии. 14-ый после брифинга.

В супермаркете появился первый номер обещанной газета для «третьих». Отпечатанные на желтой бумаге четыре листа называются «Кризисный Листок №».

Но сначала, наверно, надо написать о том, как изменился сам продуктовый магазин.

Во дворе я встретил Виноградова. Тот возвращался из маркета с полной сумкой:

– Здорово, Палыч, – он по привычке протянул для пожатия руку, но вдруг осекся и засмеялся. – Поручаемся или как?

Я уверенно пожал его руку.

– Ты в лобаз? – спросил старик. – С боку заходи, где раньше пивбар был. Там для нас отдельный вход сделал. В большие двери не суйся. Обматерят и выгонят. Там даже мент сегодня стоит, для порядку.

– А что такое? Случилось что?

– У нас как на войне, каждый день случается! Слушай, я тут вот что подумал. Может пьянку замутим? А? Сейчас к Джульетке зайду, она здесь, рядом. А ты к Анне Ивановне. Она, кажись, через дом от тебя живет. А? Что скажешь?

– Пьянку? – сомневался я.

– Ну как, пьянку? Хочешь пей, не хочешь не пей.

Идея мне понравилась. В том плане чтобы просто немного пообщаться.

– А где?

– Хм! – хмыкнул Виноградов. – У меня, конечно? Или имеются другие варианты?

Я отрицательно помахал головой. Вариантов у меня не было. Хоть погода и была великолепной, но пикники и рестораны запрещены.

– У тебя хоть чисто? – спросил я с сарказмом. – Представляю ...

– Но, но, Палыч. Обижаешь? Короче, с тебя пузырь и закусь.

– Посмотрим!

– Смотри, думай, решай. Сегодня в шесть.

Я махнул рукой и поковылял дальше. Суставы никак ни хотели приходить в себя после похода к дочери. Идея Виноградова мне действительно понравилась. Все-таки, соскучился я по живым людям.

На больших стеклянных дверях супермаркета к обычному объявлению о ношении маски, соблюдении дистанции и опасности «Девятнадцатого», добавилось: «Вход лицам старше шестидесяти строго запрещен». Заметив меня, угрюмый полицейский поднял повыше маску и указал пальцем куда-то влево. Я не сразу заметил стрелку указывающий на черный крест. Да, да, вспомнил. «Третьим» теперь можно только в двери с черным крестом.

Виноградов был прав. Магазин для стариков разместили в бывшем пивбаре. Да и не магазин это был вовсе. Человек, даже не знаю, мужчина это или женщина, в костюме «космонавта», стоял за широким прилавком с наполненными кулками.

– Берите любой продуктовый пакет, – объявил глухой голос. – Они все одинаковы. Если есть специальные пожелания или требования, оставляйте заявку в ящике.

Человек указал на входные двери. Там одиноко притаилась «урна для голосования». Я ее сразу и не заметил.

С краю от прилавка, в высоком ящике из металлических прутьев лежала кипа газет.

– Это для нас газеты? – спросил я.

– Для вас, для вас, – закивал «космонавт»

Я взял «Кризисный Листок №» и развернул его.

– Дома почитаете, – прогнусавил служащий, – берите пакет и идите.

– Простите, – засмутился я и сложил газету. – Можно вопрос? А как быть с лекарствами?

Аптеки ...

– Мужчина, я же сказала ...

«Значит это женщина» – мелькнуло в голове.

– Все просьбы, пожелания, требования, жалобы, все в ящик. Но, насколько я знаю, из лекарств, только обезболивающие.

– А ... понятно, – закивал я. Но, тем не менее, желание отправить дочери письмо захлестывало меня. – А почта ...

– В ящик, – разозлилась женщина. – Я что не ясно объясняю!

– Да, да извините, – согласился я. – Можно ручку и бумагу?

– Вы в своем уме? – возмутилась женщина. – Вы хотите всех перезаражать?! Дома. Пишите дома. Приходите сюда, опускайте в ящик. Ящик увозят. Он сутки стоит под ультрафиолетом, и потом оператор изучает просьбы.

Я отступил. Представляю, что будет у этих дверей завтра, когда наши узнают о новых правилах. Взяв пакет, я пошел домой. Но любопытство сжигало меня. Остановился у лавки, напротив входа. Развернул газету.

«Мы гордимся!» – заголовок заглавной статьи. Статья на всю полосу, рассказывала о «смелых и ответственных «третьих», решившихся добровольно уйти из жизни. «Вот он – героизм! – разглагольствовал автор. – Люди совести, привыкшие относиться к будущему, не как к красивому слову, а как к чему-то живому, материальному! Вот что написал в своей предсмертной записке семидесяти двух летний Лавров Валентин Геннадьевич из города Сочи: «Моя жизнь никогда мне не принадлежала. Я отдавал всего себя Родине, детям и внукам. Теперь же, когда моя смерть стала значительней жизни, я не раздумывая, затягиваю на своей шее узел петли. Да здравствует Жизнь! Пусть не моя, но других!» Великие, эпохальные слова. Не менее впечатляющий поступок совершила Баранова Клара Викторовна 1955 года рождения из города Тольятти. Женщина прониклась опасностью угрожающей человеческой цивилизации и шагнула с крыши пятиэтажного дома ...» И так дальше. Неужели и сейчас, как всегда, газеты врут? Не может быть. То, что волна самоубийств захлестнула планету, сомнений нет. И это давно не секрет. Невероятно то, что руки на себя накладывают люди в возрасте! Да, в молодости жизнь не имеет ценности и вкуса. Но, в старости не может быть ничего дороже и слаще еще одного полноценного вздоха.

Оснований не верить не было. Закончил автор статью перечнем самых безболезненных, надежных и безопасных для окружающих способах добровольно сказать всем «Прощай!». Вскрыть вены, напиться снотворного – это в случае если состояние здоровья не позволяет соорудить себе петлю. А вот перед тем как шагнуть в пустоту, автор настоятельно просил убедиться, что падение не причинит материальный или, не дай бог, физический вред окружающим.

Подумать только! Еще два месяца назад, за подобные статьи, автора закрыли бы в тюрьму, или в психушку. Теперь же это бред – передовица.

Закончив с призывами к самоуничтожению, я перевернул страницу. В следующей, небольшой статье описывались новые, уже знакомые, правила посещения учреждений. «Третьим» отныне и должно быть навсегда, разрешалось входить только в двери с черным крестом.

В газете даже напечатали этот знак, ставший символом всех, кто потенциально разносит заразу. Равносторонний крест напоминал обычный медицинский красный крест, но только черного цвета. «Наверно в мусульманских странах, – подумал я, – вместо креста, символом стал черный полумесяц. Как зловеще звучит – черный полумесяц!».

Дальше следовала заметка о новых рекомендациях ВОЗ по ограничению времени нахождения «третьих» в общественных местах. Медики, ну или чиновники от медицины, считали, что нам старикам можно бывать на улице только между десятью утра и четырьмя вечера. Ну, хорошо, что так. Они рекомендовали «организовывать разъяснительные программы среди молодежи, об опасности контактов с потенциальными переносчиками вируса» Из заметки становилось ясно, цель «программы для молодежи» сделать слова «Девятнадцатый» и «третьи» синонимами. Бог им в помощь.

Дальше следовала колонка «Исповедь». Редактор, в короткой заметке, объяснял, «Исповедь» предоставлена для всех желающих, которые хотели бы донести до общества свои сокровенные мысли и мечты. В этом номере «исповедовался» какой-то тридцати четырех летний дурак. Смысл откровения сводился к тому, что как только ему стукнет шестьдесят, он добровольно уйдет из жизни, чтобы не стать «живым мертвецом, разносящим заразу». Тьфу!

На последнем листе, красовался кроссворд, прогноз погоды, «бородатые» анекдоты, и гороскоп. Впечатление от «Кризисного Листка №» было такое же, каким должно, было быть ощущение пленных нацистского концлагеря от фашисткой политинформации. «Господа товарищи! Все, добровольно, с улыбкой и героической песней, шагаем в крематорий!» Неужели кто-то в это верит?! По факту, кажется да!

47-мой день пандемии. 16-ый после брифинга.

Вчера не писал. Не до этого. Случилось ужасное. Анна Ивановна умерла.

Вот уж странное дело жизнь. Как прогулка со завязанными глазами в туманном лесу. Все вокруг гадко, липко. Кругом какие-то голоса. Время от времени спотыкаешься, бьешься головой об деревья, ветки царапают тело в кровь. Радуетесь, когда кожей чувствуешь солнечное тепло, пробивающееся сквозь листву. Иногда, совсем редко сквозь повязку, разглядываешь далекий свет. А главное, никогда не знаешь, где обрыв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.